
последний
астронавт

Тимур Цвигун

Последний астронавт

https://litres.ru/75014527
SelfPub; 2026

Аннотация

После загадочного «Тихого обрыва» Земля замолчала. Связь с ней пропала, а те, кто остался на орбите, оказались в ловушке. Алексей Верещагин, инженер станции «Фарватер-7», провёл в одиночестве полгода, чиня насосы и глядя на молчаливую планету в иллюминаторе. Когда его экипаж один за другим покинул станцию или погиб, он остался последним.

Но однажды в радиоэфире сквозь белый шум прорвался женский голос: «Мы живы... Координаты...». А затем — другой голос, мужской, предупредил: «Не спускайся. Это ловушка. То, что внизу, — не люди».

Так начинается история о выборе между страхом и надеждой. Алексей, рискуя всем, собирает из частей станции импровизированную капсулу и отправляется на Землю — в неизвестность, к тем, кто мог стать спасением, а мог — гибелью. Внизу его ждут не только выжившие, но и «тихие» — безликие существа, которые когда-то были людьми. Чтобы выжить среди них, ему придётся вспомнить то, что делает нас людьми: память, любовь и умение чинить сломанный мир.

Тимур Цвигун
Последний астронавт

ПОСЛЕДНИЙ АСТРОНАВТ

Часть первая. ТИШИНА

Глава 1. День 187

Орбита. Станция «Фарватер-7». Высота 408 километров.

Алексей Верещагин проснулся от того, что станция скрипнула.

Не громко. Тихо. Как старый дом ночью, когда оседает дерево. Он лежал в спальном мешке, пристёгнутый к стене, и слушал. Скрип повторился. Где-то в кормовой части. Может, обшивка. Может, насос. Может, просто показалось.

Он открыл глаза. Потолок был серым. Металлическим. С вентиляционной решёткой. За решёткой гудел воздух. Ровно. Спокойно. Как всегда.

— Доброе утро, Лёша, — сказал он сам себе. Голос прозвучал глухо. Как будто из бочки. — Сегодня у нас какой день?

Он посмотрел на часы. 6:14 по бортовому времени. День 187-й. Полгода с небольшим. Один.

Он отстегнул спальник, оттолкнулся от стены и поплыл к иллюминатору. Медленно. Не спеша. В невесомости нельзя спешить. Можно удариться. Можно что-нибудь сломать. А сломать что-нибудь на станции, где ты один, — это плохо.

У иллюминатора он остановился. Прильнул к стеклу.

Внизу была Земля.

Она была красивой. Даже сейчас. Особенно сейчас. Синие океаны. Белые облака. Зелёные пятна континентов. И тишина. Не та тишина, что на станции — механическая, гудящая. А другая. Глубинная. Как будто планета спала.

Он смотрел на неё долго. Как всегда. Каждое утро. Полгода. Потом сказал:

— Ну что, Земля. Доброе утро.

Земля не ответила. Она не отвечала уже полгода.

Он прошёл в модуль жизнеобеспечения. Проверил показатели. Кислород — в норме. Вода — 58%. Меньше, чем вчера. Меньше, чем неделю назад. Меньше, чем месяц назад. Он записал в журнал. Карандашом. Бумажным. Потому что электроника иногда глючила. А бумага — никогда.

«День 187. Связи нет. Ресурс воды — 58%. Продолжаю».

Он закрыл журнал. Убрал в ящик. Потом достал инструменты. Пора было чинить насос.

Насос сломался три дня назад. Третий за месяц. Он работал, но плохо. Гудел. Ви��рировал. Иногда останавливался. И тогда вода переставала циркулировать. А без воды — конец. Он знал это. Как знал и то, что рано или поздно насос сломается окончательно. И тогда — всё.

Он поплыл в кормовой отсек. Открыл панель. Заглянул внутрь. Провода. Трубки. Фильтры. Всё в порядке. Кроме одного клапана. Он был забит. Тина. Или что-то ещё. Он прочистил его. Собрал панель. Включил насос. Тот загудел ровно. Спокойно. Как будто ничего и не было.

— Молодец, Лёша, — сказал он себе. — Ещё один день.

Он вернулся в жилой модуль. Сел за стол. Пристегнулся. Достал еду. Тюбик с кашей. Второй с соком. Третий с чем-то, что раньше было мясом. Он выдавил кашу в рот. Прожевал. Проглотил. Вкуса не почувствовал.

Потом включил радио. Настроился на Землю. Тишина. Только шум. Белый. Ровный. Как всегда.

Он слушал его минуту. Две. Пять. Потом выключил. И сказал:

— Ничего. Я подожду.

Он не всегда был один.

Когда-то на «Фарватере-7» было шестеро. Командир — Сергей. Врач — Анна. Инженеры — он, Лёша, и Марат. И ещё двое — биологи. Они изучали Землю. Сверху. Через телескопы. Через датчики. Через всё, что было.

Это было до «Тихого обрыва». До того, как всё пошло не так.

Он помнил тот день. 14 марта. Он был на связи с женой. С Леной. Она говорила про дочку. Про то, что та выросла. Про то, что хочет стать астронавтом. Как папа. Он смеялся. Говорил, что это хорошо. Что космос — это здорово. А потом связь оборвалась. На полуслове. Как будто кто-то выдернул провод.

Он ждал. Час. Два. Три. Связь не вернулась. Он пошёл к командиру. Сергей уже знал. Он смотрел на экран. На Землю. Там что-то происходило. Что-то плохое.

— Что там? — спросил Лёша.

— Не знаю, — сказал Сергей. — Но связь пропала. Со всеми. Со всеми станциями. Со всеми городами. Со всем.

Они ждали. День. Два. Три. Связь не вернулась. Потом пришёл приказ. Откуда-то сверху. Из центра управления. «Оставаться на орбите. Ждать. Эвакуация невозможна».

Они ждали. Неделю. Две. Три. Потом Марат попробовал спуститься. На «Союзе». Он сказал: «Я не могу больше. Я должен узнать. Что там». Он сел в капсулу. Отстыковался. Начал спуск.

Они смотрели, как капсула входит в атмосферу. Как она

горит. Как она падает. Она не долетела. Или долетела. Но не так, как надо. Они не узнали. Связи с Маратом не было.

Потом умер Сергей. Сердце. Он был старым. Остальные ушли. По одному. Кто-то сломался. Кто-то попробовал спуститься. Кто-то просто перестал выходить из модуля.

Лёша остался. Потому что был инженером. Потому что умел чинить. Потому что умел ждать.

Он остался один.

Это случилось случайно.

Он чинил передатчик. Резервный. Тот, что стоял в дальнем углу модуля связи. Он хотел проверить, работает ли он. На всякий случай. Потому что если основной сломается — нужен резерв.

Он включил его. Настроился на частоту Земли. И услышал.

Голос. Женский. Тихий. Слабый. Но живой.

— ...координаты... 54 градуса северной широты... 37 градусов восточной долготы... мы живы... повторяю... мы живы...

Лёша замер. Рука зависла над кнопкой. Он не верил. Не мог верить. Полгода тишины. Полгода шума. И вдруг — голос.

— ...мы живы... — повторил голос. — ...координаты... 54... 37... ждём... помогите...

Потом — тишина. Шум. Белый. Ровный.

Он сидел. Смотрел на передатчик. И думал.

«Этого не может быть. Это запись. Это помехи. Это моё воображение. Я схожу с ума. Полгода одиночества. И вот — голос. Женский. Как у Лены. Может, это Лена? Может, она жива?»

Он вскочил. Поплыл к журналу. Схватил карандаш. Записал координаты. Посмотрел на них. Долго. Потом сказал:

— 54 и 37. Это Россия. Это... это где-то под Москвой. Или рядом. Может, Тула. Может, Калуга. Там кто-то есть. Кто-то живой.

Он вернулся к передатчику. Включил. Настроился. Ждал. Голос не повторился. Только шум. Только тишина.

Он ждал час. Два. Три. Ничего.

И тогда он сказал:

— Ладно. Я услышал. Теперь я буду слушать.

Он не спал всю ночь. Слушал. Записывал. Ждал.

Утром он сел за стол. Достал карту. Бумажную. Старую. Ту, что осталась от Сергея. Разложил. Нашёл координаты. 54 северной. 37 восточной. Точка. Маленькая. На карте. Лес. Река. Деревня. Или город. Он не знал.

Он посмотрел на Землю в иллюминатор. Туда. Вниз. Где была эта точка. Где был голос. Где была жизнь.

И тогда он понял. Он должен туда попасть. Неважно как. Неважно когда. Но он должен.

Он достал журнал. Записал:

«День 190. Сигнал. Координаты 54, 37. Женский голос. "Мы живы". Начинаю подготовку к спуску».

Он закрыл журнал. Посмотрел на него. Потом сказал:

— Ну что, Лёша. Пора возвращаться домой.

Спускаемых аппаратов не было.

Точнее, они были. Но не работали. Тот, на котором улетел Марат, сгорел. Тот, что оставался, был повреждён. При аварии. Ещё в начале. Он не мог лететь. Он мог только быть. Как память. Как надежда. Как то, что уже не сбудется.

Лёша знал это. Но он также знал, что на станции есть запчасти. Много. Топливо. Двигатели. Всё, что нужно. Он был инженером. Он мог собрать. Мог починить. Мог сделать.

Он начал с малого. С схем. С чертежей. С расчётов. Он сидел за столом, с карандашом в руке, и рисовал. Капсулу. Свою. Из частей станции. Из того, что было. Из того, что осталось.

Это было безумием. Он знал. Но это было единственное, что он мог сделать. Единственное, что давало надежду. Единственное, что было смыслом.

Он работал весь день. Весь вечер. Всю ночь. Он не спал. Он чертил. Считал. Думал.

И к утру у него был план.

Он начал разбирать станцию.

Не всю. Только то, что было нужно. Панели. Трубки. Провода. Всё, что могло пригодиться. Он складывал это в грузовой отсек. Аккуратно. По порядку. Как инженер. Как человек, который знает, что делает.

Это было странно. Разбирать то, что спасало тебе жизнь. Разбирать дом. Но он делал это. Потому что знал — иначе нельзя. Иначе — смерть. Здесь. Один. В тишине.

Иногда он останавливался. Смотрел в иллюминатор. На Землю. Туда. Где был голос. Где была жизнь. И говорил:

— Я иду. Подождите. Я иду.

Земля молчала. Но он знал — там кто-то есть. Кто-то живой. Кто-то ждёт.

Голос вернулся.

Он сидел у передатчика. Слушал. И вдруг — снова. Тот же. Женский. Тихий. Слабый.

— ...координаты... 54... 37... мы живы... ждём... помогите...

Лёша схватил микрофон. Нажал кнопку.

— Я слышу вас! — крикнул он. — Я слышу! Кто вы? Где вы? Я на орбите! Я на «Фарватере-7»! Я попробую спуститься! Ответьте!

Тишина. Долгая. Потом — шум. Потом — снова голос. Но теперь он был другим. Тише. Слабее. Как будто говоривший устал. Или умирал.

— ...не надо... — сказал голос. — ...не спускайся... ...здесь... ...опасно... ...мы... ...не...

Голос оборвался. Шум. Белый. Ровный. Тишина.

Лёша сидел. Смотрел на микрофон. И думал.

«Не спускайся. Здесь опасно. Что это значит? Кто там? Что там? Почему опасно? Что случилось?»

Он не знал. Но он знал одно — он должен узнать. Даже если опасно. Даже если смертельно. Он должен.

Он не спал. Всю ночь просидел у передатчика. Слушал. Ждал. Голос не вернулся. Только шум. Только тишина.

Утром он пошёл в модуль связи. Сел за стол. Посмотрел на передатчик. Потом на журнал. Потом на Землю в иллюминатор.

И тогда он подумал: а что если это ловушка?

Не голос. Не выжившие. А что-то другое. Что-то, что хочет, чтобы он спустился. Что-то, что ждёт его там. Внизу. В темноте. В тишине.

Он вспомнил слова Марата: «Я не могу больше. Я должен узнать. Что там». И вспомнил, как капсула Марата горела в атмосфере. Как она падала. Как она не долетела.

Может, и его ждёт то же самое. Может, и он сгорит. Может, и он не долетит.

Он сидел. Долго. Смотрел на Землю. И думал.

А потом сказал:

— Ладно. Даже если ловушка. Даже если смерть. Я всё равно пойду. Потому что здесь — тоже смерть. Только медленная. В тишине. В одиночестве. А там — может быть, жизнь. Может быть, люди. Может быть, дом.

Он встал. Подошёл к передатчику. Включил. Настроился. И сказал в микрофон:

— Я иду. Слышите? Я иду. Ждите.

Он начал собирать капсулу.

Это было сложно. Очень. Он не был конструктором. Он

был инженером. Он умел чинить. Но не строить. Однако другого выхода не было.

Он работал в грузовом отсеке. Среди панелей, трубок, проводов. Он собирал. Прикручивал. Приваривал. Проверял. Снова проверял. Он делал это медленно. Аккуратно. Как хирург. Как ювелир. Как человек, который знает — от этого зависит жизнь.

Иногда он останавливался. Смотрел на свою работу. На то, что получалось. И думал: «Это безумие. Это не полетит. Это развалится. Это убьёт меня». А потом говорил себе: «Заткнись, Лёша. Работай. Просто работай».

И работал. Дальше. Упорно. Как всегда.

Голос не возвращался.

Он слушал каждый день. Каждую ночь. Но там была только тишина. Белый шум. Ровный. Спокойный. Как всегда.

Он начал думать: а был ли голос? Может, показалось? Может, это была галлюцинация? Полгода одиночества. Полгода тишины. Мозг играет. Сознание ищет выход. И находит. В

шуме. В помехах. В нигде.

Он сидел у передатчика. Смотрел на него. И думал: «Может, я сошёл с ума? Может, это всё — в моей голове? Может, никакого голоса нет? Может, я один? Совсем один?»

Он не знал ответа. Но он знал, что должен продолжать. Даже если голос — галлюцинация. Даже если он один. Даже если всё бессмысленно.

Потому что иначе — смерть. Здесь. В тишине. В невесомости. Один.

Он встал. Подошёл к журналу. Записал:

«День 198. Голос не возвращается. Продолжаю сборку. Надежда есть. Даже если это только надежда».

Он не ждал его. Не думал о нём. Он просто работал. Собирал капсулу. Проверял системы. Считал топливо.

И тогда услышал.

Мужской голос. Спокойный. Низкий. Уверенный.

— Верещагин. Не спускайся. Это ловушка.

Лёша замер. Отложил инструменты. Подошёл к передатчику. Посмотрел на него. Потом сказал:

— Кто вы?

— Не важно. Важно, что ты слушаешь. И что ты можешь погибнуть. Не спускайся. Останься на орбите.

— Почему?

— Потому что сигнал — не от выживших. Это приманка. То, что внизу, — не люди. Это... — голос замолчал. Как будто подбирал слово. — Это не люди. Не спускайся.

— Кто вы? — повторил Лёша. — Откуда вы говорите?

— С орбиты. С другой станции. Я такой же, как ты. Один. Живой. И я знаю больше. Не спускайся. Пожалуйста.

Голос оборвался. Шум. Тишина.

Лёша сидел. Смотрел на передатчик. И думал.

«Второй голос. Мужской. С другой станции. Говорит, что там — ловушка. Что внизу — не люди. Что я могу погибнуть. Кому верить? Женскому голосу, который зовёт на помощь? Или мужскому, который предупреждает?»

Он не знал. Но теперь сомнений стало больше.

Он не спал. Всю ночь думал. Взвешивал. Сравнивал.

Женский голос: «Мы живы. Помогите. Координаты 54, 37». Мужской голос: «Это ловушка. Не спускайся. То, что внизу, — не люди».

Кому верить?

Он вспомнил Лену. Её голос. Её слова: «Лёша, ты только возвращайся. Слышишь? Возвращайся». Он не вернулся. Он остался. На орбите. Один. В тишине.

Он вспомнил дочку. Её глаза. Её мечту стать астронавтом. Как папа. Он не вернулся. Он остался. И она выросла без него. Или не выросла. Он не знал.

Он вспомнил Сергея. Его слова: «Оставаться на орбите.

Ждать. Эвакуация невозможна». Он остался. Ждал. Полгода. И ничего не произошло. Никто не пришёл. Никто не спас.

И тогда он понял. Он не может ждать. Больше не может. Он должен действовать. Даже если это ловушка. Даже если смерть. Даже если конец.

Он встал. Подошёл к журналу. Записал:

«День 202. Выбор сделан. Спускаюсь. Будь что будет».

Капсула была готова.

Не идеально. Не совершенно. Но готова. Он проверил всё. Системы. Топливо. Кислород. Связь. Всё работало. Или должно было работать. Он надеялся. Как всегда.

Он стоял перед ней. В грузовом отсеке. Смотрел на неё. На своё творение. На своё безумие. На свою надежду.

— Ну что, — сказал он. — Пора.

Он обошёл станцию. В последний раз. Посмотрел на модули. На панели. На иллюминаторы. На Землю внизу. На всё,

что было его домом. Полгода. Один. В тишине.

Он остановился у иллюминатора. Прильнул к стеклу. Посмотрел на Землю. Долго. Потом сказал:

— Спасибо. За всё. За тишину. За уроки. За жизнь. Я вернусь. Обещаю.

Земля молчала. Но он знал — она слышит.

Он вернулся в грузовой отсек. Залез в капсулу. Закрыл люк. Пристегнулся. Посмотрел на приборы. На кнопки. На рычаги.

— Ну что, Лёша, — сказал он. — Поехали.

И нажал на кнопку.

Капсула отстыковалась.

Медленно. Плавно. Как будто нехотя. Он почувствовал толчок. Потом — невесомость. Потом — движение. Капсула начала спуск.

Он смотрел в иллюминатор. Земля становилась больше. Ближе. Ярче. Он видел облака. Океаны. Континенты. Всё, что раньше было внизу. А теперь — впереди.

Он чувствовал вибрацию. Слышал гул. Чувствовал жар. Капсула входила в атмосферу. Медленно. Опасно. Как тогда, у Марата. Только теперь — он. Один. Внутри. И надежда. Снаружи.

Он закрыл глаза. И стал ждать.

Капсула приземлилась.

Жёстко. Сильно. Он ударился. Потерял сознание. На секунду. Или на минуту. Или на час. Он не знал. Когда открыл глаза — вокруг была темнота. И тишина. Настоящая. Земная.

Он отстегнулся. Медленно. Больно. Всё тело болело. Но он был жив. Живой. На Земле.

Он открыл люк. Выбрался наружу. Упал на траву. Настоящую. Мокрую. Холодную. Пахнущую землёй и дождём.

Он лежал. Смотрел в небо. Серое. Облачное. Настоящее. И плакал. Впервые за полгода. По-настоящему.

Потом встал. Осмотрелся. Лес. Поле. Река вдалеке. И тишина. Но не та, что на станции. Другая. Живая. Настоящая.

Он пошёл вперёд. К реке. К координатам. К голосу. К жизни.

И тогда он услышал. Не голос. Не шум. Шаги. Человеческие. Настоящие. Приближающиеся.

Он обернулся. И увидел. Девушка. Молодая. Лет двадцати. С рюкзаком. С удочкой. С улыбкой.

— Вы... — сказала она. — Вы с неба?

Он кивнул. Не мог говорить. Горло сжалось.

— Я слышала вас, — сказала она. — По радио. Я думала, что я одна. Совсем одна. А вы... вы пришли.

Он смотрел на неё. На её улыбку. На её глаза. На её жизнь. И понимал — он дома. Настоящий дом. Не станция. Не орбита. Не тишина. А здесь. На Земле. С людьми. С жизнью.

— Я пришёл, — сказал он. — Я обещал.

Она улыбнулась. Шире. И сказала:

— Пойдёмте. У нас есть дом. Еда. Тепло. И ещё люди. Много. Живых. Ждущих. Как вы.

Он пошёл за ней. По траве. По земле. По жизни. И чувствовал, как что-то внутри отпускает. Что-то, что держало его полгода. Что-то, что не давало дышать.

Он был дома. Наконец. Дома.

Конец первой части.

Продолжение следует…

СПСС.

Глава 2. Дом

День 204. Утро. Земля. Лес.

Её звали Вера.

Она шла впереди, легко переступая через корни и поваленные стволы, и иногда оглядывалась — проверяла, идёт ли он. Лёша шёл. Медленно. Тяжело. Каждый шаг отдавался болью в коленях, в спине, в рёбрах. Полгода в невесомости сделали своё дело: мышцы ослабли, кости стали хрупкими, сердце привыкло к другому ритму. Он чувствовал себя стариком. Хотя ему было сорок четыре. Не старик. Но и не молодой. Человек, который слишком долго прожил в тишине. И теперь учился жить в шуме.

— Далеко? — спросил он.

— Не очень. Километра два. Может, три. — Она не оборачивалась. Шла уверенно, как человек, который знает каждый корень. — Ты как?

— Нормально.

— Врёшь.

— Вру.

Она усмехнулась. Тихо. Но не остановилась. Он был благодарен. За то, что не остановилась. За то, что не стала жалеть. За то, что просто шла. Как будто он был обычным. Как

будто ничего не случилось. Как будто он не упал с неба.

Он смотрел под ноги. На траву. На мох. На грибы — маленькие, коричневые, с мокрыми шляпками. Он не помнил, когда последний раз видел грибы. Настоящие. Не из тюбика. Не сублимированные. Не восстановленные. Просто грибы. Которые выросли сами. Из земли. Без человека.

Лес был тихим. Не мёртвым — живым. Пели птицы. Где-то стучал дятел. Шелестели листья. Ветер шевелил ветки. Пахло землёй, хвоей и дымом. Дымом? Он принюхался. Точно. Дым. Костёр. Где-то рядом. Не один. Много. Целая деревня. Живая. Настоящая.

Он остановился. Прислушался. Где-то далеко — голоса. Детские. Женские. Мужские. Смех. Разговоры. Жизнь.

— Что? — спросила Вера. Обернулась.

— Слышу. Людей.

— А. Да. Мы близко. Ещё минут десять. Может, пятнадцать. — Она посмотрела на него. — Ты как? Сможешь?

— Смогу.

— Хорошо. — Она снова пошла. — Только не отставай. И не шуми. Мы не любим шум.

Он кивнул. Пошёл за ней. Медленно. Тихо. Как мог. Ноги заплетались. Голова кружилась. Но он шёл. Потому что альтернатива — лечь. Здесь. В лесу. И не встать. И он не хотел. Не сейчас. Не после всего.

— Вера, — сказал он. — А как ты меня нашла?

Она не обернулась.

— Услышала. По радио. Ты отвечал. Громко. Я думала — тихие. Пошла проверить. А нашла тебя. В капсуле. Живого.

— А если бы это были тихие?

— Тогда бы я умерла. Или стала одной из них. — Она помолчала. — Но это был ты. И я не умерла. И ты не умер. Значит, всё правильно.

Он не ответил. Не знал, что сказать. Она говорила просто. О жизни. О смерти. О тихих. Как о погоде. Как о чём-то обычном. И это было страшнее всего.

Лес расступился.

— Здесь, — сказала Вера.

И Лёша увидел.

Деревня.

Настоящая. Не руины. Не пепелище. Не то, что он видел сверху — серое, мёртвое, пустое. А живое. Настоящее. Дома. Крепкие. С крышами. С окнами. С трубами, из которых шёл дым. Заборы. Огороды. Куры. Коза на привязи. Лошадь. Собака. И люди. Много людей. Они ходили. Работали. Говорили. Смеялись. Жили.

Он остановился. Не мог идти. Ноги не слушались. Или сердце. Или что-то ещё. Что-то внутри. Что-то, что сжалось и не отпускало.

— Что это? — прошептал он.

— Дом, — сказала Вера. — Наш дом. Мы здесь живём. Уже два года. Может, три. Я сбилась со счёта. Время здесь другое. Не как наверху. Не по часам. По солнцу. По дождю. По снегу. По жизни.

Он смотрел. На дома. На людей. На дым. На жизнь. И не

мог поверить. Полгода он смотрел на Землю сверху. Видел зелёные пятна. Видел реки. Но не видел людей. Не видел домов. Не видел дыма. А теперь — вот они. Здесь. Рядом. Настоящие.

— Почему я вас не видел? — спросил он. — С орбиты. Почему я не видел?

— Потому что мы маленькие, — сказала Вера. — И потому что мы прячемся. От тех, кто был до. От тех, кто не люди. Мы не выходим на открытое. Не жжём большие костры. Не светим ночью. Мы живём тихо. Чтобы нас не нашли.

— Кто — они?

— Те, кто был. После обрыва. Не все умерли. Некоторые — изменились. Стали другими. Не людьми. Они ходят по лесам. Ищут. Убивают. Или забирают. Я не знаю, что хуже.

Лёша смотрел на неё. На её лицо. Молодое. Усталое. Взрослое. Как у тех, кто видел слишком много. Как у тех, кто выжил. Как у тех, кто помнит.

— Сколько вас? — спросил он.

— Здесь — сорок два. В других деревнях — больше. Мо-

жет, сотни. Может, тысячи. Мы не знаем. Связи нет. Только радио. И то — слабое. Только на несколько километров. Иногда ловим обрывки. Голоса. Чужие. Далекие. Может, такие же, как мы. Может, нет.

— А сигнал? — спросил он. — Женский голос. Координаты. Это ты?

Вера кивнула.

— Я. Мы пытались связаться. С орбитой. С кем-нибудь. Но нас никто не слышал. Или не отвечал. Я передавала каждую ночь. Один и тот же текст. И когда ты ответил — я испугалась. Думала, что это они. Что это ловушка.

— Почему ты сказала «не спускайся»?

Она замолчала. Посмотрела в сторону леса. Потом снова на него.

— Потому что мы не одни. Есть другие. Они тоже слушают. И они тоже ждут. Только не людей. Они ждут, чтобы кто-то спустился. Чтобы пришёл. Чтобы открыл дверь. И тогда они войдут.

Лёша почувствовал холод. Не от ветра. От слов.

— Кто они?

— Мы называем их «тихие». Они не говорят. Не кричат. Не бегут. Они просто идут. Медленно. Молча. И если ты их увидишь — уже поздно. Они не убивают сразу. Они забирают. Что-то внутри. Память. Голос. Лицо. Всё, что делает тебя тобой.

— Как безликие, — сказал Лёша. Не подумав. Само вырвалось.

Вера посмотрела на него.

— Что?

— Не важно. Из книг. Я читал. Давно. Про реку. Про безликих. Про тех, кого забыли.

Она кивнула. Не поняла. Или не захотела понимать. Просто сказала:

— Пойдём. Тебе нужно отдохнуть. Ты еле стоишь.

Они пошли в деревню.

Люди смотрели на него. Молча. Кто-то с удивлением. Кто-то с недоверием. Кто-то с надеждой. Дети выглядывали из-за заборов. Женщины останавливались с вёдрами. Мужчины — с топорами и ружьями. Все смотрели. На человека с неба. На живого. На того, кто пришёл.

Вера привела его к дому на краю деревни. Маленькому. Бревенчатому. С трубой. С окнами. С дверью.

— Здесь живёт баба Нюра, — сказала она. — Она одна. Муж умер. Дети уехали. До обрыва. Она добрая. Пустит.

Они вошли. В доме пахло хлебом и травами. На печи грелся чайник. Баба Нюра — маленькая, сгорбленная, в платке — сидела у окна. Вязала. Увидела Лёшу. Встала. Перекрестилась.

— С неба? — спросила она.

— С неба, — сказал он.

— Ну, проходи. Садись. Голодный, поди.

Он сел. На лавку. Деревянную. Настоящую. Она поставила перед ним тарелку. Щи. Горячие. С мясом. С картошкой. С капустой. Он смотрел на неё. Не мог поверить. Полгода

тюбиков. Полгода каши. Полгода без вкуса. А теперь — это. Настоящее. Тёплое. Живое.

Он взял ложку. Деревянную. Поднёс ко рту. Попробовал. И заплакал. Тихо. Беззвучно. Слёзы текли по щекам. Падали в тарелку.

Вера села рядом. Баба Нюра — напротив. Они молчали. Не мешали. Просто были рядом.

Он ел. Медленно. Долго. И плакал. И не мог остановиться. Потому что это было слишком. Слишком много. Слишком сразу. Слишком хорошо.

Потом он отодвинул тарелку. Вытер лицо. Посмотрел на них.

— Спасибо, — сказал он. — За всё. За щи. За дом. За жизнь.

— Не благодари, — сказала баба Нюра. — Живи. Это главное.

Он кивнул. Посмотрел на окно. На улицу. На людей. На жизнь. И понял — он дома. Настоящий дом. Не станция. Не орбита. Не тишина. А здесь. На Земле. С людьми. С жизнью.

И это было только начало.

Глава 3. Вера

День 205. Утро. Деревня. Дом бабы Нюры.

Он проснулся от того, что пахло хлебом.

Не тюбиком. Не сублиматом. Не восстановленным порошком, который нужно разводить водой. А настоящим хлебом. Тёплым. Живым. С корочкой. С запахом дрожжей и печи.

Он открыл глаза. Лежал на печи. Тёплой. Настоящей. Рядом спал кот. Рыжий. Наглый. Он посмотрел на Лёшу. Один глаз. Потом второй. Потом зевнул. Широко. Показал зубы. И отвернулся. Мол, спи. Не мешай. Я тут главный.

Лёша сел. Тело болело. Но по-другому. Не от невесомости. От работы. От ходьбы. От жизни. Это была хорошая боль. Настоящая. Как после долгого пути. Когда ты устал, но знаешь, что дошёл.

Он посмотрел на свои руки. На них были мозоли. Новые. От капсулы. От инструментов. От всего. Он не помнил, когда

последний раз видел у себя мозоли. На орбите руки были гладкими. Чистыми. Бесполезными. А теперь — вот. Живые. Работающие. Настоящие.

Он встал. Осторожно. Чтобы не разбудить бабу Нюру. Она спала на кровати. Тихо. Ровно. Как человек, который знает, что завтра будет день. И послезавтра. И послепослезавтра.

Он подошёл к окну. Посмотрел на улицу. Деревня просыпалась. Люди выходили из домов. Кто-то шёл к колодцу. С ведром. С коромыслом. Кто-то — к огороду. С лопатой. С тяпкой. Кто-то — в лес. За дровами. За грибами. За жизнью. Дети бегали по улице. Смеялись. Играли. Собаки лаяли. Куры кудахтали. Петух орал. Всё как раньше. Как до обрыва. Как всегда.

Он смотрел на это и не мог поверить. Полгода он видел только металл. Только серый потолок. Только Землю в иллюминаторе. Далекую. Молчаливую. Мёртвую. А теперь — вот. Жизнь. Настоящая. Рядом. Здесь.

Он вышел из дома. На улицу. Вдохнул воздух. Холодный. Свежий. С запахом дыма и травы. И чего-то ещё. Чего-то, что он не мог назвать. Может, свободы. Может, жизни. Может, дома.

Вера стояла у забора. Смотрела на лес. Ждала. Или думала. Или просто была. Как всегда. Как будто она всегда там стояла. Как будто она никогда не уходила.

Он подошёл. Встал рядом. Молча. Смотрел на лес. На утро. На жизнь.

— Доброе утро, — сказал он наконец.

— Доброе. — Она улыбнулась. Не поворачиваясь. — Как спал?

— Хорошо. Впервые за полгода. По-настоящему.

— Это хорошо. Значит — привыкаешь.

— К чему?

— К земле. К жизни. К тому, что ты не один.

Они стояли. Молчали. Смотрели на лес. На утро. На жизнь.

Потом Лёша сказал:

— Вера. Расскажи мне. Про обрыв. Про то, что было. Про

то, как вы выжили.

Она посмотрела на него. Долго. Внимательно. Как будто решала — доверять или нет. Потом кивнула.

— Пойдём. Покажу.

Они пошли за деревню. К реке. Настоящей. Широкой. Спокойной. С ивами на берегу. С рыбой в воде. С жизнью.

Вера села на берегу. На камень. Лёша — рядом. На траву.

— Мне было семнадцать, — сказала она. — Когда всё началось. Я жила в городе. С родителями. С сестрой. Училась в школе. Мечтала о будущем. Как все. Как ты. Как любой.

Она помолчала. Посмотрела на реку.

— А потом — обрыв. Не война. Не бомбы. Просто система не выдержала. Сначала — электричество. Потом — вода. Потом — связь. Потом — всё. Города опустели. Люди ушли. Кто-то — в деревни. Кто-то — в леса. Кто-то — умер. Кто-то — стал тихим.

— А твои?

— Родители умерли. В первую зиму. Холод. Голод. Болезни. Сестра — тоже. Я осталась одна.

— Как ты выжила?

— Не знаю. Честно. Просто выжила. Нашла деревню. Людей. Они приняли. Научили. Ловить рыбу. Растить овощи. Ставить сети. Жить. Не выживать — жить. Это разные вещи.

Она посмотрела на него.

— А ты? Как ты выжил? На орбите? Один?

Он рассказал. Про станцию. Про экипаж. Про Марата. Про Сергея. Про тишину. Про голос. Про капсулу. Про всё. Не торопясь. Не жалуясь. Просто рассказывая. Как инженер. Как человек, который привык чинить. Который привык ждать. Который привык жить.

Она слушала. Молча. Не перебивала. Когда он закончил, сказала:

— Ты сильный. Сильнее, чем думаешь.

— Не сильный. Просто инженер. Привык чинить.

— Это и есть сила. Чинить. Когда всё сломано. Когда всё рушится. Чинить. И жить. Не сдаваться. Не сходить с ума. Не становиться тихим. Просто чинить. И жить.

Они сидели на берегу. Смотрели на реку. На воду. На жизнь. Вода текла. Медленно. Спокойно. Как время. Как память. Как всё, что важно.

Потом Лёша сказал:

— Вера. А что теперь? Что мне делать?

— Жить. Как все. Как мы. Работать. Ловить рыбу. Строить. Помогать. Быть. — Она помолчала. — И ещё. Ты должен рассказать.

— Рассказать? Кому?

— Людям. Всем. Кто выжил. Кто ждёт. Кто не знает. Ты — последний астронавт. Ты видел всё. Сверху. Ты знаешь больше. Ты должен рассказать. Чтобы помнили. Чтобы не забыли. Чтобы не повторили.

— А если не поверят?

— Поверят. Потому что ты — живой. Потому что ты — здесь. Потому что ты — один из нас. А один из нас всегда верят. Даже если он говорит странное. Даже если он с неба. Даже если он — последний.

Он смотрел на неё. На её глаза. На её слова. На её веру. И понимал — она права. Он должен рассказать. Не для славы. Не для памяти. Для жизни. Чтобы люди знали. Чтобы помнили. Чтобы не повторили.

— Хорошо, — сказал он. — Я расскажу. Всем. Кто услышит.

Она улыбнулась. Шире. По-настоящему.

— Пойдём. Ужин готов. Баба Нюра пироги испекла. С капустой. Настоящие. Не тюбик. Не сублимат. Настоящие.

Они пошли. В деревню. К дому. К людям. К жизни.

И тогда Лёша понял. Он дома. Настоящий дом. Не станция. Не орбита. Не тишина. А здесь. На Земле. С людьми. С памятью. С жизнью.

И это было только начало.

Вечером они сидели у костра. В центре деревни. Все вместе. Сорок два человека. Старики. Женщины. Дети. Все смотрели на него. Ждали.

Вера подтолкнула его локтем.

— Расскажи. Они хотят слушать.

Он встал. Посмотрел на них. На лица. На глаза. На жизнь. И начал.

— Меня зовут Алексей Верещагин. Я — последний астронавт. Я был на орбите. На станции «Фарватер-7». Полгода. Один. После обрыва. Я видел Землю сверху. Видел, как она умирала. Как горели города. Как исчезали огни. Как темнело небо. А потом — как она начала оживать. Как появились зелёные пятна. Как вернулись реки. Как затеплилась жизнь. Я не знал, что это вы. Не знал, что кто-то выжил. Думал — я один. Но я ошибался. Вы здесь. Вы живые. Вы — жизнь. И я хочу сказать вам спасибо. За то, что вы есть. За то, что вы ждали. За то, что вы приняли меня. Я не знаю, что будет дальше. Но я знаю, что мы вместе. И это — главное.

Он замолчал. Люди молчали. Потом кто-то захлопал. Потом ещё кто-то. Потом все. Аплодисменты. Настоящие. Живые.

Баба Нюра вытерла слёзы. Вера улыбнулась. Дети смотрели на него с восхищением. Как на героя. Как на человека с неба. Как на своего.

Он сел. Вера взяла его за руку.

— Молодец. Ты справился.

— Спасибо.

— Не мне. Им. Они тебя приняли. Теперь ты — один из нас. Навсегда.

Он кивнул. Посмотрел на огонь. На людей. На жизнь.

И понял — это и есть дом. Не станция. Не орбита. Не тишина. А здесь. На Земле. С людьми. С памятью. С жизнью.

И это было только начало.

Глава 4. Тихие

День 208. Ночь. Деревня.

Он не спал.

Сидел у окна. Смотрел на лес. На темноту. На звёзды. Впервые за полгода — звёзды снизу. Не сверху. Не в иллюминаторе. А здесь. Настоящие. Живые. Как будто кто-то рассыпал их по небу и забыл собрать.

В доме было тихо. Баба Нюра спала на кровати. Кот — на печи. Свернулся клубком. Сопел. Тихо. По-стариковски.

Лёша смотрел на лес. Долго. Внимательно. Как инженер. Как человек, который привык замечать детали. Что-то было не так. Что-то в темноте. Что-то в тишине. Слишком тихой. Слишком плотной.

И тогда он увидел.

На опушке. В темноте. Тени. Медленные. Беззвучные. Они шли. К деревне. К домам. К людям. Много. Десятки. Может, сотни. Они не бежали. Не кричали. Просто шли. Как будто знали, что успеют.

Лёша встал. Подошёл к двери. Открыл. Вышел на улицу. Холодный воздух ударил в лицо. Он вдохнул. Глубоко. По-

том посмотрел на лес.

Вера уже была там. С ружьём. Смотрела в темноту. Спокойно. Как всегда. Как будто ждала.

— Тихие, — сказала она. — Идут.

— Сколько?

— Не знаю. Много. Десятки. Может, сотни. Они всегда так. Собираются. Идут. Молчат. А потом — забирают.

— Что делать?

— Не шуметь. Не бежать. Не бояться. Они чувствуют страх. Если ты боишься — они идут. Если нет — проходят мимо. Или уходят. Или растворяются. Я не знаю. Я не понимаю их. Но я знаю, что страх — это то, что их притягивает.

Она посмотрела на него.

— Ты боишься?

Он подумал. Честно. Долго. Потом сказал:

— Боюсь. Но не так, как раньше. Раньше я боялся один.

В тишине. В невесомости. В никуда. А теперь — нет. Теперь я знаю, что я не один. И это... это легче.

Она кивнула.

— Хорошо. Тогда — стой. Смотри. И не бойся.

Они стояли. На улице. Смотрели в лес. На тени. На тихих. Те шли. Медленно. Беззвучно. Приближались. К деревне. К заборам. К домам.

Люди просыпались. Выходили из домов. С ружьями. С вилами. С топорами. Молча. Без паники. Как будто ждали. Как будто привыкли.

Старик с ружьём — его звали Пётр — подошёл к Лёше. Посмотрел на него. Потом на лес.

— Идут, — сказал он. — Опять. Третий раз за месяц.

— Что делать? — спросил Лёша.

— Стоять. Не бежать. Не стрелять. Пока не подойдут. Потом — стрелять. Если поможет. Если нет — бежать. В лес. В темноту. Куда угодно.

— А они?

— А они идут. За нами. Всегда. Пока мы живы. Пока помним. Пока не станем тихими.

Лёша смотрел на лес. На тени. На тихих. И думал. Думал быстро. Как инженер. Как человек, который привык решать проблемы. Одну за другой.

И тогда он понял. Он не должен стрелять. Он не должен бежать. Он должен говорить. Он должен вспомнить.

— Пётр, — сказал он. — Не стреляйте. Дайте мне попробовать.

— Что попробовать?

— Поговорить. С ними. Не ружьём. Словами. Памятью.

Пётр посмотрел на него. Как на сумасшедшего. Потом на Веру. Она кивнула.

— Ладно, — сказал Пётр. — Но если что — мы стреляем.

— Хорошо.

Лёша сделал шаг вперёд. К лесу. К тихим. К темноте. Он шёл медленно. Спокойно. Как будто шёл на прогулку. Как будто ничего не боялся. Как будто знал, что делает.

Тени остановились. Замерли. Смотрели на него. Без глаз. Без лиц. Но смотрели.

И тогда он заговорил.

— Я — Алексей Верещагин. Я с орбиты. Я был один. Полгода. В тишине. В невесомости. В никуда. Я знаю, каково это. Быть забытым. Быть одному. Быть тихим. Но я вспомнил. И вы вспомните. Я помогу.

Тени молчали. Стояли. Смотрели.

— Вы были людьми, — продолжал он. — У вас были имена. Лица. Дома. Семьи. Вы не всегда были тихими. Вы были живыми. Я помню. И вы помните. Просто забыли. Но я напомню. Я расскажу вам. Всё. Что было. Что есть. Что будет.

Он говорил. Долго. Много. Про свою жизнь. Про станцию. Про экипаж. Про Марата. Про Сергея. Про Лену. Про дочку. Про всё, что помнил. Всё, что любил. Всё, что потерял.

Тени слушали. Или не слушали. Или не понимали. Но они

не двигались. Не приближались. Не уходили. Они стояли. И смотрели.

И тогда одна тень отделилась от остальных. Медленно. Беззвучно. Подошла к нему. Близко. Очень близко. Он видел её лицо. Или то, что было лицом. Гладкое. Без черт. Без глаз. Без рта. Но с чем-то. С чем-то, что было глубже. Что было внутри. Что было памятью.

— Кто ты? — прошептал он.

Тень не ответила. Не могла. Или не хотела. Но она подняла руку. Медленно. Показала на него. Потом на себя. Потом на лес. Потом на деревню. И опустила.

И тогда он понял.

— Ты хочешь, чтобы я помнил? — спросил он. — Ты хочешь, чтобы я рассказал? Про тебя? Про всех вас?

Тень кивнула. Один раз. Медленно. И исчезла. Растворилась в темноте. Как будто её никогда не было.

Остальные тени начали отступать. Медленно. Беззвучно. Растворяться. Уходить. В лес. В ночь. В никуда.

Лёша стоял. Смотрел. Как они уходят. Как они исчезают. Как темнота становится пустой.

И тогда он почувствовал. Руку на плече. Обернулся. Вера. Смотрела на него. В её глазах было что-то. Что-то, чего он раньше не видел. Уважение. Или что-то очень похожее на него.

— Ты живой, — сказала она. — Ты живой.

— Живой, — сказал он. — Обещал.

Она обняла его. Крепко. Долго. Как будто боялась, что он исчезнет. Как будто боялась, что это сон.

— Ты сделал это, — сказала она. — Ты поговорил с ними. Ты вспомнил. Ты спас нас.

— Не я. Память. Я просто напомнил.

— Это и есть спасение. Напомнить. Когда все забыли.

Они стояли. На улице. Смотрели на лес. На пустоту. На жизнь.

Люди выходили из домов. Смотрели на них. Молчали. По-

том кто-то захлопал. Потом ещё кто-то. Потом все. Аплодисменты. Настоящие. Живые.

Лёша стоял. Смотрел на них. На людей. На жизнь. И понимал — он сделал то, что должен. То, для чего пришёл. То, для чего спустился. Не для себя. Для них. Для всех. Для жизни.

Утром он сидел на берегу реки. Один. Смотрел на воду. Думал.

Вера подошла. Села рядом. Молча. Смотрела на воду. Вместе с ним.

— Вера, — сказал он. — А что теперь? Что дальше?

— Дальше — жизнь. Мы будем жить. Работать. Строить. Растить детей. Ловить рыбу. Петь песни. Помнить. И не забывать.

— А тихие? Они вернутся?

— Вернутся. Может, завтра. Может, через месяц. Может, через год. Но вернутся. И мы будем готовы. Потому что теперь мы знаем, как с ними говорить. Спасибо тебе.

— Не мне. Памяти.

— Тебе. Ты напомнил. Ты показал. Ты научил.

Он кивнул. Посмотрел на реку. На воду. На жизнь.

— Вера, — сказал он. — А я? Что мне делать?

— То же, что и всем. Жить. Помогать. Помнить. Быть. — Она помолчала. — И ещё. Ты должен рассказать. Всем. Про орбиту. Про станцию. Про то, что было. Чтобы помнили. Чтобы не забыли. Чтобы не повторили.

— Рассказать? Кому?

— Людям. Всем. Кто выжил. Кто ждёт. Кто не знает. Ты — последний астронавт. Ты видел всё. Сверху. Ты знаешь больше. Ты должен рассказать.

Он смотрел на неё. На её слова. На её веру. И понимал — она права. Он должен рассказать. Не для славы. Не для памяти. Для жизни. Чтобы люди знали. Чтобы помнили. Чтобы не повторили.

— Хорошо, — сказал он. — Я расскажу. Всем. Кто услы-

шит.

Она улыбнулась. Взяла за руку.

— Пойдём. Ужин готов. Баба Нюра пироги испекла. С капустой. Настоящие.

Они пошли. В деревню. К дому. К людям. К жизни.

И тогда Лёша понял. Он дома. Настоящий дом. Не станция. Не орбита. Не тишина. А здесь. На Земле. С людьми. С памятью. С жизнью.

И это было только начало.

Глава 5. Память

День 209. Утро. Деревня.

После ночи тихих всё изменилось.

Люди смотрели на Лёшу по-другому. Не с недоверием. Не с удивлением. С уважением. С надеждой. С чем-то, что было глубже. Что было памятью. Что было жизнью.

Он шёл по деревне, и люди кивали ему. Здоровались.

Улыбались. Дети подбегали. Спрашивали про небо. Про звёзды. Про станцию. Он отвечал. Просто. Честно. Как умел. Как инженер. Как человек, который привык объяснять. Который привык чинить.

Пётр подошёл. С ружьём. Смотрел на него. Долго. Потом сказал:

— Ты это... прости. Что не верил. Думал — сумасшедший. А ты — вон. С тихими поговорил. Спас нас. Спасибо.

— Не мне. Памяти. Я просто напомнил.

— Это и есть спасение. Напомнить. Когда все забыли. — Он помолчал. — Ты хороший человек, Алексей. Настоящий. С неба или нет — неважно. Главное — человек.

Он ушёл. Лёша смотрел ему вслед. И думал. О словах. О жизни. О памяти.

Вера подошла. Взяла за руку.

— Пойдём. Покажу тебе деревню. Настоящую. Не с неба. С земли.

Они пошли. По улице. Мимо домов. Мимо огородов. Ми-

мо кузницы. Мимо школы. Настоящей. С детьми. С учительницей. С жизнью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.